

A watercolor illustration of a ginger cat with a blue collar, looking up at a string of sausages hanging from the top left. The background is a mix of teal, blue, and red washes. The text is overlaid on the bottom half of the image.

КОШКИ И ЛЮДИ

-ИСТОРИИ ЛЮБВИ-

Сборник

Кошки и люди. Истории любви

Издательско-Торговый Дом "СКИФИЯ"

2019

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

Сборник

Кошки и люди. Истории любви / Сборник — Издательско-
Торговый Дом "СКИФИЯ", 2019

ISBN 978-5-00025-162-1

Книга невыдуманных историй о кошках, котах и людях. О переплетении судеб человека и животных, о дружбе, любви и верности. Рассказы написаны разными авторами, отредактированы с сохранением авторского стиля. Сюжетно части сборника никак не связаны и могут быть прочитаны и перечитаны в любом порядке. Создатели книги хотели вызвать в сознании читателя заглушенные нотки добра и сострадания, так необходимые для воспитания души. Рекомендовано для семейного чтения, без возрастных ограничений.

УДК 882
ББК 84 (2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00025-162-1

© Сборник, 2019
© Издательско-Торговый Дом
"СКИФИЯ", 2019

Содержание

Предисловие	6
Екатерина Семёнова	8
Про толстого кота Гошу	8
Про Кота, иностранные языки, студентов и преподавателей	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Екатерина Семёнова
Кошки и люди. Истории любви
Сборник

© Семёнова Е., 2019

© Издательство «Скифия», 2019

* * *

Предисловие

Однажды я пришла в приют для брошенных котов и кошек выполнить некую посильную работу. Хотелось примерить на себя доселе неведомую социальную роль волонтера. Мне доверили вымыть полы в комнате, где обитало сорок с лишним кошек. Все они когда-то были домашними и любимыми. У каждой был свой уютный уголок и тепло человеческих рук. Потом произошел какой-то сбой в системе, и все исчезло. Пропали из жизни дом и любящая семья людей, являющаяся для пушистого существа с хвостом и четырьмя лапками целой вселенной. Так коты и кошки вдруг стали ненужными и оказались в приюте.

Я наводила порядок в комнате с большим окном и скрипучими полами. Сорок пар глаз неотрывно смотрели на меня. В их взглядах была надежда, боль, тоска, мольбы о помощи. Они смотрели на каждого входящего человека с нерастраченным пока желанием отдать всю любовь, нежность и верность, на которую способны. Более смелые коты пытались запрыгнуть мне на колени или подлезть под руку, в которой я держала швабру. Они призывали погладить, почесать за ухом, прижать к себе. Кошки и коты были самые разные. Длинношерстные и не очень, полосатые и дымчатые. Рыжие, черные и белые. С уникальными характерами и привычками. Их объединяло одно. У всех в прошлом была история жизни с человеком. История дружбы, любви, взаимной заботы, расставаний, потерь, боли и предательства.

Про прошлое некоторых обитателей приюта мне рассказала его хозяйка. Кое-что поведали кураторы и другие волонтеры.

Я стала приходить в приют регулярно, стараясь увеличить коэффициент собственных полезных действий. Сочиняла рекламные тексты для постов в интернете, чтобы найти новых хозяев для кошек из приюта. Помогала устраивать выставки и дни открытых дверей.

На моих глазах в приюте появлялись новые жильцы. Их истории я могла видеть и слышать уже без посредников. Вместе со мной в приют приходили люди. Как и я, волонтеры. У каждого из них в архиве памяти было предание про кота, оставившего отпечаток в сердце. Порой встреча с маленьким четвероногим чудом оставляет в жизни след куда более заметный, нежели сотни встреч и расставаний с себе подобными.

Узнав про мою связь с приютом, друзья, знакомые, коллеги по работе начали рассказывать про своих кошек, делясь воспоминаниями о любимом пушистом друге и члене семьи. Повествования порой бывали забавными, драматичными, наполненными светлой грустью. Их объединяла неиссякаемая нить взаимной любви наших младших братьев и сестер и представителей людского племени.

В ответ на мои посты в интернете мне писали незнакомые люди, рассказывая, как кот или кошка однажды изменили их судьбу.

Историй становилось много, они теснились в моей голове, а их герои мяукали на разные голоса, прося рассказать о них еще кому-то.

Так родилась идея создать сборник рассказов о людях и котах. Или о котах и их людях, как кому больше нравится.

Истории написаны разными авторами, отредактированы с сохранением авторского стиля. Сюжетно части сборника никак не связаны и могут быть прочитаны вами в любом порядке.

Это книга – многоголосие самых разных авторов о самых разных котах и кошках. Сборник невыдуманных историй о милосердии без измен и предательств. Книга про случаи, когда дар абсолютной любви домашнего животного к хозяину преподнесен человеку заслужено.

Я продолжаю помогать приюту, подарившему мне, помимо двух моих горячо любимых котов, возможность чувствовать себя важным и нужным звеном в достижении такой желанной эры милосердия.

Вы тоже сможете поучаствовать, купив книгу. Прибыль от ее продажи будет передана приюту **«Котофеи» СПБРООЗЖ «Второй шанс»** (vk.com/kotofeikomanda) и поможет тем, кто не по своей вине оказался на обочине цивилизации.

Спасибо всем вам! Приятного чтения!

Ваша Екатерина Семёнова

Екатерина Семёнова

Про толстого кота Гошу

Гоша был доволен своими пышными кошачьими формами, ни капельки не комплексуя по поводу без малого десяти килограмм. Он был обычным домашним полосатым котом приятной наружности, длинными усами и округлыми бочками. Глаза зеленые, хвост длинный, уши с кисточками. Пребывал Гоша в самом расцвете кошачьих сил, на здоровье не жаловался и жизнь свою за все благодарил сполна. И ведь было за что!

Гоша не помнил маму-кошку, которая произвела его на свет. Не помнил он своих братьев и сестер. Он, конечно, подозревал об их существовании, но не более того.

Отсчет собственной жизни Гоша вел с того момента, когда его взяла на руки Самая Настоящая Мама. Он сразу полюбил эти руки с большими серебряными кольцами на пальцах, полюбил Мамин запах, сотканный из добрых ароматов ромашкового шампуня, овсяной каши и шерстяного свитера.

Тогда его посадили в новую желтую сумку-переноску, больше Гоши раз в семь по размеру. Постелили на дно тряпочку, чтобы маленькие розовые лапки двухмесячного котенка не скользили по гладкой дерматиновой поверхности. Они долго ехали по длинным улицам большого города. Мама сидела на заднем сидении, крепко держа сумку с Гошей на коленях. Лёня вел машину, старательно объезжая многочисленные пробки. Ему тоже не терпелось попасть домой и заняться устройством их с Мамой нового постояльца.

Решение завести котенка было совместным. С тех пор как Лёня окончил институт, он стал реже бывать дома и далеко не каждый вечер проводил с Мамой. Она относилась к этому как к должному. Что ж поделаешь, единственный сын вырос, вступил на самостоятельный путь. Кроме Мамы, в его теперешней жизни важную роль играли друзья, девушки, научные конференции и презентации, автомобильные выставки, работа в хорошей компании. Мама гордилась, что воспитала достойного сына, умного, доброго, талантливого. Грустно вздыхая, она привыкала ужинать в одиночестве и ждать Лёню, украдкой все же поглядывая на часы.

Лёня старался проводить с Мамой хотя бы один вечер в неделю, но чувствовал, что этого недостаточно.

– Давай возьмем кота! – как-то предложил он Маме, – будет тебе с ним не скучно. Мы ведь давно хотели.

Мама согласилась, и они поехали выбирать котенка к какому-то Лёниному коллеге по работе, у которого как раз кошка недавно родила котят. Выбрали Гошу. Как и почему именно Гошу – история умалчивает.

Гоше казалось, что он всегда жил в этой квартире с высокими потолками и старинной изразцовой печью в прихожей. По вечерам он вместе с Мамой проверял курсовые и дипломные работы Маминых студентов. Место Гоши всегда было слева от Мамы на большом столе с зеленым сукном, за которым писал свои научные труды по общей хирургии еще Лёнин дедушка. Едва только Мама начинала шуршать бумагами, Гоша бросал все дела и шел в кабинет. Он ловко запрыгивал на стол и укладывался на очередную пачку исписанных листов. Мама чесала его за ушком, заглядывала в зеленые кошачьи глаза и серьезно спрашивала:

– Гошенька, ты тоже считаешь, что это хорошая работа? Можно допускать к защите? Иногда Гоша отвечал ей утвердительным «мяу», а иногда просто переворачивался на другой бок. Что, в сущности, означало то же самое.

Как бы поздно ни возвращался домой Лёня, Гоша всегда его ждал. Встречал в прихожей, помогал снимать ботинки, ловя лапами длинные шнурки. Обнюхивал кожаный портфель и куртку. Иногда пахло незнакомыми женскими духами, иногда чебуреками.

Гоша любил сидеть на коврикe в ванной и смотреть, как Лёня бреется и чистит зубы. По утрам он следил, чтобы хозяин не проспал на работу. Едва только звонил будильник в Лёниной комнате, Гоша перемещался на хозяйскую тахту. Тыкался мокрым носом в теплую щеку, пытался поймать спрятанные под одеялом ноги, старательно и громко мурлыкал. Вставай скорее, дорогой хозяин, сегодня четверг, у тебя на работе планерка. Шеф голову оторвет, если опоздаешь. Мама уже кашу приготовила и кофе сварила. Чувствуешь, как вкусно пахнет?

Пока Мама готовила завтрак, Гоша внимательно наблюдал за ней на кухне, зная наизусть всю неизменную последовательность ее движений. Вот она мешает овсянку, напевая мелодию венского вальса. Наливает кофе в свою любимую чашку с синими цветочками и золотым ободком. Кладет одну ложку сахара, садится на стул возле окна.

У Гоши был даже свой собственный стул на кухне, куда не сажали даже самых дорогих гостей. Это Гошин персональный трон, – смеялся Лёня.

После завтрака все уходило из дома. По тому, как тщательно они собирались, Гоша понимал, что уходило Мама и Лёня на весь день. Он быстро съедал все, что было в миске, и призывно мяукал, сообщая, что надо бы увеличить суточную норму корма.

Еды для него не жалели. Лёня покупал самые лучшие корма в магазине возле работы, баловал Гошу консервами с тунцом и лососем. Мама по вечерам давала несколько ложек ряженки, а по воскресеньям крошила в миску сваренное вкрутую яйцо.

Самое грустное в его жизни было ждать вечера, когда хозяева вернутся домой.

Чтобы время прошло побыстрее и Мама с Лёней вернулись пораньше, Гоша спал. Иногда он дремал на Лёниной тахте, засыпая на подушке. Когда становилось совсем тоскливо, Гоша

шел в прихожую, где у порога стояли Мамины тапочки. Он клал на них голову и мысленно посылал Маме сигналы не задерживаться сегодня в институте.

Когда становилось тепло, они с Мамой гуляли по большому балкону и поливали цветы. Точнее, Мама их поливала, попутно состригая отмершие стебельки. Гоша ложился на пол и подставлял свой внушительный пушистый животик под теплые солнечные лучи. Мама отставляла в сторону лейку и наклонялась к коту, чтобы почесать откормленные полосатые бочки.

– Гоша, тебе не кажется, что у тебя лишний вес? Надо бы на диету, – говорила в последнее время Мама.

Несколько раз Лёня выводил Гошу на прогулку в парк. Важно и с достоинством водил по газонам кота на шлейке. Гоша не мог сказать, что ему сильно понравилось на улице. Там было много людей, незнакомых звуков и устрашающих запахов.

Он любил свой дом, где знал каждый уголок. В кабинете ему нравилось лежать в старом дедушкином кресле с клетчатым покрывалом и рассматривать многочисленные книги в книжных шкафах. По тому, как осмысленно Гоша смотрел вокруг, можно было подумать, что он знает содержание каждой из книг и лично был знаком с их авторами.

Зимой Гоша часто лежал на подоконнике и наблюдал за падающим снегом. Когда из теплых стран возвращались птицы, он следил, как они нарезают круги вокруг растущей за окном березы.

Гоша никогда не отличался огненным темпераментом, не любил много бегать и носиться за мячиком, как другие коты. Он был по натуре созерцатель и свою кошачью земную миссию видел в наблюдении за ходом жизни, сменой сезонов, времени суток и погоды.

Счастьем своим Гоша считал стабильность и постоянство. Казалось, всегда рядом будут Мама и Лёня, их заботливые руки будут гладить, чесать бочки, животик и за ушком. А он будет им помогать всеми своими кошачьими возможностями.

Казалось, так будет всегда. Но однажды все закончилось. Его мир, сотканный из присутствия рядом любимых людей, привычных запахов и ежедневных ритуалов, рухнул.

Сначала не стало Мамы. Та, что привезла его, маленького, домой шесть лет назад, исчезла навсегда. Ее тапочки какое-то время еще привычно стояли в прихожей, и Гоша думал, что это просто какой-то очень длинный день никак не может закончиться. Вечер почему-то не наступает, и Мама не возвращается домой. Затем тапочки убрали, стол в кабинете покрылся пылью. Не появлялись на нем больше работы Маминых студентов, и никто не шуршал бумагой.

Мамин запах ромашкового шампуня становился все слабее. Никто не варил на кухне овсяную кашу, не доставал с полки Мамину кружку с синими цветочками и золотым ободком, не варил кофе по Маминому рецепту.

В квартире появились неведомые ранее запахи сердечных капель, равнодушных людей из жилищной конторы, казенных документов, искусственных цветов. В доме поселился запах горя.

Гоша уже не будил Лёню по утрам. Тот несколько дней вообще не ночевал дома. Гоша никогда не оставался дома один на ночь. Ему было страшно. Есть не хотелось, хотя стояла полная миска корма. Лёня не забывал ее оставлять, несмотря на горе.

Потом Лёня вернулся. Он долго сидел в кабинете за Маминым столом и пил что-то сильно пахнущее из прозрачного стакана.

Гоша запрыгнул на стол привычным движением и положил голову Лёне на руку.

– Мамы больше нет, Гошка, – сказал Лёня, и что-то теплое и мокрое упало на кошачье ухо.

Лёня не плакал на похоронах, не плакал на поминках в Мамином институте. Он держался изо всех сил, думая, что если даст волю слезам, то не сможет остановиться. И никто теперь его не успокоит и не утешит. Он остался совсем один, без Мамы.

Но когда Гоша положил голову на Лёне на руку, он понял, что какая-то часть Маминой любви и ласки осталась с ним навсегда. Что-то такое она успела завещать Гоше, чтобы кот стал утешением единственному сыну, ежедневно согревая его теплом настоящей любви.

Лёня поднял на руки тяжелого толстого кота весом без малого десять килограмм и посадил себе на грудь. Уткнулся носом в горячий пушистый живот и почувствовал, как бьется кошачье сердечко.

Гоша продолжал честно исполнять кошачьи обязанности. Будил Лёню по утрам, следил, чтобы тот не забыл побриться и почистить зубы. Они теперь не завтракали вместе. Лёня перестал питаться дома, предпочитая кафетерий на работе по утрам и рестораны по вечерам. Гоша завтракал один, грустно хрустя сухим кормом. Он очень скучал по Маме и волновался, когда Лёня не приходил ночевать домой. Тревогу и одиночество Гоша заглушал едой. Он еще больше поправился и раздался в ширину. Бока приняли форму двух красивых полушарий.

Гоша снова почувствовал, что мир его продолжает рушиться, когда Лёня привел к ним домой Кристину.

Она смерила кота презренным взглядом из-под нарощенных ресниц и сказала:

– Фу, какой он у тебя жирный кот! И шерсти от него, наверное, много.

Затем Кристина пнула ногой кошачий лоток. Гоша в течение шести лет исправно его посещал и содержал в чистоте и порядке, старательно зарывая все свои кошачьи дела в наполнитель.

– И как тебе не противно вот это держать на всеобщем обозрении, Лёня? Убери эту мерзость подальше.

Гоша понял, что лучше лишний раз на глаза новой хозяйке не показываться. Передвижения по квартире он ограничил до минимума, старался больше лежать на любимом подоконнике, прячась за шторой.

Лёня гладил теперь Гошу украдкой, когда Кристина не видела. Потом сразу же шел мыть руки с мылом.

К ним стали часто приходиться гости. Много разных незнакомых и шумных людей сидели на их кухне, ели непонятную еду из пластиковых упаковок и пили пиво. Они громко разговаривали и курили, включая вытяжку над плитой.

При гостях Кристина менялась. Она брала Гошу на руки и высоко поднимала над головой, демонстрируя кота друзьям.

– Вы только посмотрите, какой жиртрест! Десять килограмм жира и шерсти!

Пальцы у Кристины были острые и тонкие. Длинные ногти больно впивались Гоше в подмышки. Пахло от нее ментоловыми сигаретами и сладкими духами. Гоша терпел, ждал, когда гости уйдут и можно будет снова спрятаться на подоконник за шторой.

Очередным сигналом близящегося конца стал визит одной из подруг Кристины. Она разместилась на кухне, пила красное вино, курила и пепел стряхивала в любимую мамину чашку с синими цветочками и золотым ободком. На коленях у подруги сидела маленькая лысая собачка с блестящим ошейником.

– Какая прелесть! – расплылась в умильной улыбке Кристина, – и ошейник со стразами! Я тоже хочу такую! Лёня!!!

– Да, любимая, – смиренно ответил он.

– Я хочу такую собачку! Давай купим, а? Я буду везде с ней ходить, костюмчики красивые покупать. Давай купим собаку!

– Но у нас же кот. Гоша... – попытался возразить Лёня, – вдруг они не поладят.

– Это у тебя кот, – Кристина перестала улыбаться, – а я не подписывалась жить рядом с куском жира и шерсти. И душ принимать, глядя в кошачий лоток, я тоже не хочу.

– Есть какие-то специальные места, куда ненужных котиков сдают, – сказала хозяйка лысой собачки, – что-то типа комиссионного магазина для кошек.

Гоша не понял смысла сказанных слов. Только заметил, что Лёня больше не приходит его гладить и все чаще отводит в сторону глаза.

В пятницу вечером после работы Лёня достал с антресолей ту самую желтую сумку-переноску, в которой Гоша приехал домой шесть лет назад. Взял кота на руки и попытался посадить внутрь. С первого раза не получилось. Неудивительно, ведь Гоша вырос в десять раз с тех пор как его возили в этой сумке последний раз.

– Лёня, давай быстрее! Нам еще по магазинам потом, – кричала из прихожей Кристина.

– Он в сумку не влезает, может, сходить побольше переноску купить? – робко спросил Лёня.

– Еще чего! Деньги на него тратить. Запихни уж как-нибудь.

С трудом Гошу засунули в желтую сумку и застегнули молнию. Толстые бока выпирали из стенок, а нос сплющило прозрачной сеточкой-окошком. Кот плотно сложил передние лапы под грудью, а между задними зажал хвост. Было трудно дышать и совершенно невозможно пошевелиться.

Желтая сумка-переноска стояла на заднем сидении. Лёня вел машину, старательно объезжая многочисленные пробки. Ему не терпелось закончить сегодняшний день и навсегда заглушить слишком разбушевавшуюся совесть.

Гошу в переноске внесли в большое помещение. Сразу ударили в нос сотни, нет, тысячи запахов ему подобных четвероногих братьев. Гоша и раньше знал, что на свете есть другие коты и кошки.

Этажом выше их квартиры жил рыжий Виконтий, кот их с Мамой соседа, профессора Сотникова. А от Лёни иногда пахло кошкой Милкой, которая проживала с его школьным приятелем Юрой. Но все эти запахи несли в себе нотки покоя, домашнего уюта и защищенности. А здесь пахло тревогой, потерянностью, страхом, безысходностью и болью. Хотя пробивался также и запах надежды. Надежды отчаянной и упрямой на то, что завтра в эту железную дверь придет Новый Хозяин. Придет именно за тобой.

Дверь открылась, шелкнул замок. Чьи-то ноги нерешительно топтались в узком помещении со стеллажами по обе стороны стены. На стеллажах стояли упаковки кошачьих консервов и ящики с лекарствами.

– Вот, – кто-то из нерешительно топтавшихся подал, наконец, голос, – мы кота принесли. Отдать хотим.

– Что это за переноска у вас такая странная, – девушка в синем больничном костюме в недоумении посмотрела на раздутую с обеих сторон желтую сумку. Затем поняла, что дело не в переноске. Просто сидящий в ней кот был огромный и толстый. А переноска была явно в два раза его меньше, ее раздуло от непосильной ноши. Девушка в синем костюме поняла, что это тот самый Гоша, здоровый кот шести лет, привитый всеми необходимыми вакцинами. Ее уже предупредила Хозяйка Приюта.

Часом раньше Лёня позвонил Хозяйке. Завидев незнакомый номер на экране мобильного, та тяжело вздохнула. За девять лет существования приюта у Хозяйки хорошо развилась способность предугадывать и предчувствовать. Она нажала на кнопку «принять вызов» и приготовилась слушать очередную историю про внезапную аллергию у ребенка, срочный переезд на Северный Полюс, ссору с бойфрендом. Истории про аллергию, переезд и ссоры периодически повторялись. Менялись лишь номера телефонов звонивших, имена, возраст и окрас котов и кошек, вдруг и сразу ставшими неудобными и ненужными хозяевам.

Хозяйка выслушала сбивчивую речь звонившего молодого мужчины. Он торопливо говорил, что кот абсолютно здоров, от блох не чешется, глистов нет. Даже паспорт с прививками у него есть. Ведет себя хорошо, чистоплотный.

– А чего в приют тогда сдаете? – устало спросила Хозяйка.

– Мы собаку решили завести...

– Я вам сейчас перезвоню, – Хозяйка нажала на кнопку «завершить вызов». Достала из пачки тонкую сигарету и закурила. Такое оправдание предательства она слышала впервые. Подавила в себе секундный порыв разразиться ненормативными ругательствами в адрес звонивших. Бог им судья. Сейчас нужно думать о коте. Если она им откажет или наорет в самой грубой форме, то кота они, скорее всего, просто усыпят или выкинут на далекую помойку. Хозяйка перезвонила Лёне, продиктовала адрес приюта и координаты Девушки в Синем Костюме.

Опытные незнакомые руки избавили Гошу от тесной переноски и посадили в клетку. Застелили железное дно чистой простынкой, а в угол положили разноцветную подушечку. Поставили напротив лоток и две миски. С водой и с кормом. Девушка в Синем Костюме еще

раз приподняла Гошу и усадила на подушку. Кот не сопротивлялся. Он плотно сложил передние лапы под грудью, а между задними зажал хвост.

Девушка в Синем Костюме закрыла клетку на защелку и ушла. У нее было еще несколько сотен таких же брошенных и потерянных подопечных.

Гоша смотрел на новый для него мир сквозь решетку. Он пытался найти глазами Лёню, но от него не осталось даже запаха. Ничего не осталось от прежней Гошиной жизни. Не было стола с зеленым сукном, Маминых тапочек, любимого подоконника, знакомых корешков книг в книжных шкафах. Не было птиц, кружащих вокруг березы за окном. Окна в комнате, где стояло еще несколько похожих клеток с другими котами, тоже не было. Может, это просто сон? Затянувшийся кошачий кошмар. Сейчас надо покрепче зажмурить глаза, снова их открыть – и он вновь окажется дома. Но это был не сон. Это был новый Гошин мир, сузившийся до размера клетки с цветной подушкой в углу.

Гоша не мог поверить, что Лёня никогда за ним не придет и они никогда не вернуться в их с Мамой дом. За что? Почему? Ведь я же обещал Маме заботиться о ее единственном сыне. Кто же теперь будет будить Лёню по утрам и следить, чтобы он не забывал чистить зубы? На Кристину надежды мало.

Гоша стал перебирать в памяти события последних недель. Может, он в чем-то провинился, и его наказали? Забыл что-то сделать? Расстроил хозяина?

Напротив стояла миска с едой. Но есть не хотелось. Пить тоже. Надо думать дальше, надо искать причину. Ведь если он поймет, в чем дело, то все можно будет исправить, казалось Гоше.

Прошли сутки, а толстый полосатый кот сидел неподвижно в клетке на цветной подушечке. Передние лапы плотно сложены под грудью, а между задними зажат хвост. Зеленые глаза смотрели в одну точку, как будто пытаюсь увидеть что-то невидимое окружающим. Когда-то шикарные белые усы поникли и опустились вниз.

Несколько раз в день к клетке подходила Девушка в Синем Костюме и озабочено качала головой:

– Нужно поесть, Гоша. Иначе ты заболеешь.

Гоша продолжал неподвижно сидеть на подушке. Он пронзительно смотрел на Девушку в Синем Костюме, пытаясь объяснить ей все. Мне нужно думать, я должен найти причину. Я не могу есть, пока все не пойму. Я должен понять, почему Лёня ушел и не приходит. Если я пойму, то смогу все исправить. Мне нельзя есть. Мне надо думать.

К Гоше подходила Помощница Девушки в Синем Костюме и тоже пыталась уговорить покушать ну хоть чуть-чуть. Ставила перед ним на выбор мисочки с пятью разными кормами. Делала попытки почесать кота под подбородком.

Гоша не возражал против непрощенных ласк незнакомых людей. Дней через пять он понял, что они хорошие и от них пахнет другими котами. Они не причинят зла.

Девушка в Синем Костюме и Помощница очень обрадовались, когда кот начал вставать с подушки, подходить к краю клетки и тереться щекой о протянутый сквозь прутья клетки палец. Но есть он не хотел по-прежнему.

Гоша уже не боялся незнакомых звуков и привык к постоянному появлению новых запахов.

Пахло другими котами, вареной курицей, рисовой кашей, кормами для кошек с большими почками. По утрам пахло моющими средствами и мокрыми швабрами... Пахло лекарствами и мазями...

По выходным дням пахло разными людьми, пришедшими в приют впервые. Люди приходили принести подарки брошенным животным, складывали в холле у двери коробки с мясными консервами для котят, наполнителем для лотков, старыми шерстяными одеялами. Кто-то приходил помочь Девушке в Синем Костюме убрать комнаты с множеством котов и кошек.

Реже приходили люди, желающие взять кота, кошку или котенка из приюта домой насовсем. И тогда один из счастливых гордо уезжал в новой переноске в новую жизнь.

Каждый из множества обитателей ждал с надеждой, что и его в следующий раз обязательно заберут.

Гоша не ждал. Он, наконец, понял, почему его отвезли сюда. Внезапно его озарило понимание горькой правды. Лёня отказался от него, потому что он толстый! Самый толстый в приюте. Никому такой кот не нужен. Нельзя есть. Нельзя жить такому толстому. Такого никто не любит.

Гошу начали кормить насильно через шприц. Параллельно делали ему уколы витаминов. У Гоши потекли сопля из носа, он начал чихать. Ему было холодно, несмотря на постоянно работающий в комнате радиатор. От света зажигаемой днем лампы болели глаза. Он решил отвернуться к стенке, чтобы больше никого и ничего не видеть.

Однажды в комнату вошел Игорь. Он приехал в приют впервые. Сестра слезно попросила отвезти посылку с чем-то очень нужным и полезным. Какие-то оставшиеся после ремонта доски и балки. Котикам в приюте можно будет соорудить неплохие полочки для лежания и сидения. У Игоря была большая машина – доски с балками прекрасно в нее поместились.

У него в жизни вообще все было большое, надежное и добротное. Крепкий японский внедорожник, мебель из дубового массива в квартире, большая кружка для кофе, огромное кожаное кресло в его кабинете технического директора.

Да и сам Игорь был человеком немаленьким. С тех пор как он родился весом 4800 и ростом 56 сантиметров, ему приходилось быть самым крупным в коллективе. Сначала в детском саду, затем в школе и в университете. По поводу своих размеров Игорь никогда не комплексовал, даже когда попадал в неловкие ситуации.

Вот и сейчас, втаскивая упаковки с досками в узкий холл приюта, он нечаянно задел плечом дверь в одну из комнат. Она открылась. Игорь положил доски на пол и повернулся, чтобы закрыть дверь. Но то, что он увидел, заставило его зайти внутрь.

Из клетки прямо напротив двери на него смотрел огромными зелеными глазами огромный полосатый кот. Самый крупный из всех котов, которых Игорь когда-либо видел.

– Какой ты большой, дружище! – непроизвольно воскликнул Игорь, – прямо как я.

Гоша внимательно смотрел на большого человека с рыжей бородой. От него пахло сгущенным молоком и кожаным диваном. Кот никогда не встречал таких больших людей. Это был самый крупный из всех людей, которых Гоша когда-либо видел.

Кот и человек одновременно сделали шаг навстречу друг другу. Гоша встал с подушечки и приблизился вплотную к решетке клетки. Игорь стоял в десяти сантиметрах от него.

Девушка в Синем Костюме, завидев открытую в комнату дверь, решила узнать, в чем дело.

Зашла и невольно заулыбалась, глядя на Игоря и Гошу.

– Как вы похожи! – сказала она и тут же осеклась. Испугалась, что обидела крупного мужчину с рыжей бородой. Но тот и не думал обижаться.

– Я это заметил. Он такой же красивый, как я!

Конечно, Игорь забрал Гошу домой не сразу, а через долгих два часа. Сначала он обстоятельно беседовал с Девушкой в Синем Костюме, подписывал договор, предъявлял паспорт, подробно описывал условия своего жилища и уровень доходов. Старательно записывал названия специальных кормов с низким содержанием калорий и наименования укрепляющих лекарств. Гоша в приюте засопливил, но дома это легко можно вылечить.

Затем Игорь метнулся на своем крепком японском внедорожнике в ближайший зоомагазин, где купил самую большую переноску, самый большой лоток и самую большую лежанку

для кошек. Миску он по настоянию Девушки в Синем Костюме купил все же не самую большую. За весом Гоши надо будет строго следить и соблюдать диету. Кормить дозированно.

Большая переноска с Гошей стояла на заднем сидении. Игорь вел машину, старательно объезжая многочисленные пробки. Ему не терпелось попасть домой и заняться устройством их с Настей нового постояльца. То, что жена не будет против, он знал наверняка.

В квартире пахло специями для приготовления рыбы, ванильным мылом и деревом.

Настя наклонилась к полосатому коту, неуверенно выбравшемуся из переноски на пол в прихожей, выложенный кафелем в форме шахматной доски. Внимательно посмотрела Гоше в большие зеленые глаза и широко улыбнулась:

– Как же вы с ним похожи, просто одно лицо!

Затем с легкостью подняла кота весом без малого десять килограмм и прижала к груди. У нее были длинные рыжие волосы, перехваченные на затылке оранжевой резинкой, ласковые руки и успокаивающий запах запеченной в духовке рыбы. Гоша впервые за долгое время почувствовал, что он хочет есть. А затем пройтись по новой квартире, исследовать все углы, найти любимый подоконник для наблюдения за ходом жизни. После неплохо бы проверить кухню и диваны на предмет мягкости. И, самое главное, приступить к немедленному выполнению кошачьих обязанностей. Смотреть, правильно ли Рыжая Мама готовит еду, а Большой Человек чистит зубы и бреется. А то, судя по его бороде, у него с этим большие проблемы. Без Гоши он не справится.

А знаете ли вы, что...

Ранние предки современных кошек жили около 30 миллионов лет назад. Ученые назвали их «Proailurus», что на греческом означает «первая кошка». Биологический вид, к которым принадлежат современные кошки, появилась около 12 миллионов лет назад.

Про Кота, иностранные языки, студентов и преподавателей

Его называли просто Кот. Иногда прибавляли к основному именованию еще какой-нибудь уменьшительно-ласкательный или увеличительно-уважительный суффикс. Тогда он становился Котиком, Котищем или Котаном. По несколько раз на дню его именовали по-иностранному, называя на испанский манер *Señor Gato*. Или же *Monsieur Chat* на французский. Приходилось откликаться и на чешское *Pane Kat* и даже на *Mister Cat*, произносимое на чистейшем британском английском.

Кот с одинаковой охотой отзывался на все свои имена, в очередной раз убеждая окружающих в том, что и среди животных встречаются полиглоты.

Языковые способности Кота были вполне объяснимы. Ведь он был не каким-то обычным котом, который только и умеет, что лежать на диване да гоняться за игрушечной мышкой.

Жил Кот на филологическом факультете университета, где обучают более чем ста языкам. Кота знали все студенты, преподаватели, заведующие кафедр, работники факультетской столовой и вахтерша тетя Тамара. Никто не знал, сколько ему лет и как он попал на факультет. Казалось, Кот жил там со дня его основания.

Наружность у Кота была самая обычная и заурядная. Можно сказать, типичная наружность для кошачьих средней полосы. Среднестатистические черно-серые полосы с вкраплением чуть заметной рыжины. Уши торчком, хвост слегка загнутый на конце, и достаточное количество усов, белых вперемежку с черными. Глаза у Кота были зеленые и могли принимать разные оттенки – от изумрудного до нефритового, в зависимости от освещения помещений, в которых Коту приходилось бывать.

Разрешалось ему находиться практически везде. Кот мог входить без доклада даже туда, куда рядовой студент или посетитель должен был записываться сильно заранее.

Кот мог проشمыгнуть мимо строгой Людмилы, секретарши самого декана, и проникнуть в кабинет главного человека на факультете.

Конечно же, Кот знал, как вести себя с начальством на его территории. Он входил в приемную, заставленную книжными шкафами и стеллажами. Делал приветственный круг почета перед широким столом и садился так, чтобы главный человек факультета мог узреть Кота, не отрываясь от монитора или от стопки бумаг с печатями.

– Ректор предлагает на следующий год снизить количество бюджетных мест на кафедре славянской филологии, – главный человек обычно первый начинал диалог с Котом. Будучи крайне занятым решением сразу нескольких глобальных вопросов, декан сразу переходил к сути и не тратил время на формальные приветствия.

– Мур, – реагировал Кот.

– Говоришь, что он ректор и ему сверху виднее? – переспрашивал декан, – с одной стороны, правильно. Ну, куда нам так много специалистов по «Слову о Полку Игореве»? Хватит и тех, что уже есть. Нерентабельная эта кафедра.

– Мур-мур, – отвечал Кот.

– Придется сократить ставки преподавателям старославянского. Кого-то на пенсию отправим...

– Мур... – напоминал Кот.

– Да знаю я, что научная работа ведется, в журналах статьи студентов публикуют и в конференциях они участвуют. Только вот ректор предлагает за счет освободившихся мест коммерческие курсы иностранных языков расширить. А на высвободившиеся бюджетные средства аудитории для этих курсов обновить. Что поделаешь, рыночная экономика, новые приоритеты.

Кот выжидающе молчал. Ждал, пока декан сам вспомнит.

– Хотя почему мы должны соглашаться? – вспоминал декан, переводя взгляд на групповую фотографию в деревянной раме на стене. Сотрудники факультета, аспиранты, доценты и профессора – участники Великой Отечественной.

– Люди в самое страшное время страну, город и родной университет защищали, жизнью не жалели. Работники факультетской библиотеки редкие книги к себе домой забрали, когда немцы город окружили. Берегли, хранили и даже в лютую блокадную зиму не продали и не поменяли на буханку хлеба или литр подсолнечного масла. Вернули книги в целости после войны в родную библиотеку.

Декан замолкал. Кот терпеливо ждал, пока главный человек на факультете достанет из-под манжеты пиджака клетчатый носовой платок и промокает глаза. В этот момент он вспоминал о маме, хранившей дома медаль «За оборону Ленинграда», и об отце, который погиб на Невском пятачке.

– Кафедра славистики наукой занималась даже в лютые девяностые, переводы древних летописей на современный русский язык для широкого круга читателей делали, конференции организовывали. Устояли. Выдержали. А сейчас что? Возьмем и сократим до пяти студентов и двух аспирантов? Ради того чтобы денег зарабатывать на коммерческих курсах для всех желающих.

– Мур, – подтверждал Кот.

– Скажу ректору, пусть аудитории для курсов в бывших классах политинформации устраивает. Не надо славистов трогать.

– Мууур, – одобрял Кот.

– Спасибо, что поддержал, Котище! Иди к Марине Ниловне, пусть тебе сметаны выдаст. Скажи, что лично я распорядился.

– Мур, – прощался Кот, выходя из приемной и направляясь в столовую.

Там пахло сосисками в тесте, булочками с изюмом и замороженным минтаем. Монотонно урчала огромная посудомоечная машина, и брякали стаканы с чашками на подносах. Скоро закончится вторая пара, и студенты ринутся в буфет за свежей выпечкой. Молодой организм тратит много сил на усвоение новых знаний, а до обеда еще несколько часов.

По понедельникам, средам и четвергам сама заведующая столовой, Марина Ниловна, вставала за прилавок и продавала булочки, сосиски в тесте и пирожки.

Кот знал, что сегодня как раз четверг. Марина Ниловна старательно прикалывала белую наклеечку к крепко сбитой прическе из крашенных хной волос. Бросила последний взгляд в маленькое зеркальце, спрятала его в карман фартука. Кот терпеливо ждал, пока она обернется и заметит его.

– Здравствуй, мой хороший! – Марина Ниловна улыбнулась и чуть наклонилась в его сторону.

– Мур, – ответил Кот.

– Сметанки сейчас дам, погоди.

– Мур-мур, – поблагодарил Кот. Он же не только ради сметаны пришел. Повидать хотел, узнать, как дела, есть ли новости от дочки и внука Марины.

– Внук на осенние каникулы приедет, если билеты они возьмут, – заведующая улыбалась еще шире, на щеках начинали играть ямочки, а в глазах светились огоньки любви.

Кот молча ел сметану из фаянсового блюдца с инвентарным номером. Когда-то вся посуда на факультете была такая. Несколько лет назад новый ректор распорядился заменить советский фаянс на что-то новое, современное, отвечающее духу времени. Завхоз дядя Миша договорился с какой-то фирмой о поставке посуды из Китая. Теперь студенты ели из оранжевых тарелок, а профессора пили кофе из чашек ярко-лимонного цвета с плохо приваренными ручками. Дядя Миша убеждал всех, что это особенности дизайна. При этом левый глаз у него

начинал дергаться и непроизвольно коситься в сторону стоянки автомобилей сотрудников. Где-то там была припаркована его новая «Лада-Калина». Оранжевая, как китайская тарелка.

Остатки фаянса времен Советского Союза работникам столовой разрешили разобрать по домам. Почему-то никому не понадобилось одинокое, оставшееся без пары, блюдечко. На нем раньше подавали толстые румяные оладьи с яблочным повидлом. Оладьи из факультетского меню велено было убрать как пережиток прошлого. Вместо них кондитеры осваивали рецепт штруделя и чизкейка.

– Не пускает ее душегуб этот с матерью повидаться, – в который раз принималась рассказывать Марина Ниловна. Кот тщательно вылизывал сметану и слушал. Он знал, что никакие советы и комментарии тут не помогут. Надо просто молча выслушать, а затем старательно потереться о ноги Марины Ниловны, выражая сочувствие и глубокое понимание ее материнской тревоги.

Дочка Марины Ниловны восемь лет назад выскочила замуж за молодого военного. Сразу после свадьбы поехала за мужем в далекий Забайкальский край, не окончив даже третьего курса на факультете. А ведь Марина Ниловна столько сил положила, растила дочку одна, в хорошую школу ее устроила. К самому декану ходила, чуть ли не в ноги падала, просила дочь на вступительных экзаменах не заваливать.

Так радовалась, когда дочку взяли на филологический факультет. На скандинавскую кафедру, на отделение датского языка и литературы. Марина была счастлива за дочь и уже ясно представляла ее будущее. На четвертом курсе студентов отправляли на стажировку в Данию. Каждый год посольство устраивало конкурсы, давало стипендии самым талантливым и приглашало их потом на работу.

Марина уже четко видела, как дочка, отличница и красавица, закончит учебу, поедет работать за границу и выйдет там замуж за самого настоящего принца датского. С каждой зарплаты покупала дочери обновки, чтобы та выглядела не хуже остальных студенток престижного факультета. Марина Ниловна их каждый день видела в своем буфете и в молодежной моде разбиралась.

Дочка училась хорошо. Благодаря маминым стараниям одета и обута была как надо. Не стыдно было за датского принца сватать.

Вот только вместо принца влюбилась дочь в курсанта военного училища. Круглый сирота, ни кола, ни двора. Из всей родни только двоюродная бабка в глухой деревне.

Уж сколько Марина плакала, сколько рассказывала дочке про все тяготы жизни с военным. Будешь всю жизнь по просторам родины с чемоданом за ним скитаться. Не будет ни заграниц, ни принцев датских, ни красивой одежды.

– Но разве прикажешь молодому горячему сердцу? – пытался объяснить Кот Марине Ниловне. Он-то в молодых сердцах разбирался. Сколько разных историй студенческих романов и расставаний Кот наблюдал в стенах факультета! Но Марина не стала бы слушать утешения Кота, даже если бы он вдруг заговорил человеческим голосом.

После стремительной свадьбы дочка с новоиспеченным зятем уехала в далекий Нерчинск, куда и по телефону порой было не дозвониться. Учебу не закончила. Обещала матери перевестись потом на заочное в тюменский университет. Но и этого не случилось. Родился внук, которого Марина Ниловна за все семь лет видела всего три раза. Зять не любил отпускать дочь с внуком в гости к теще. Боялся, очевидно, что та вспомнит о былой жизни в большом красивом городе и не захочет возвращаться в холодный Нерчинск, где из развлечений только краеведческий музей да магазин запчастей для тракторов под названием «Окраина».

– Совсем я одна осталась, Котя, – Марина Ниловна садилась на стул, чтобы Коту было удобней тереться ей об ноги, – дочка за тысячи километров, внук меня не помнит, и датский принц не предвидится.

С верхних этажей начинал доноситься шум открывающихся дверей, захлопывания конспектов и веселых голосов. Закончилась вторая пара. Студенты потянулись в буфет. Марина Ниловна становилась за прилавок, а Кот выходил в факультетский дворик. Там его присутствие в перерывах между парами было крайне необходимо.

Двор филологического факультета был местом особым. Туда даже экскурсии водили и туристов пускали с особого разрешения декана.

Туристов влекли во дворик необычные бронзовые скульптуры. Их лепили и ваяли современные скульпторы в соответствие с духом нового времени.

– Никаких скучных статуй и бюстов героев, – распорядился ректор. Только новое, современное, необычное, идущее вразрез с застаревшей традицией. Получилось неплохо. Даже Коту понравилось. Скульптуры были неброские, не пугали размерами и разбросаны были по дворику вне всякой симметрии. От этого казалось, что у каждой из них есть душа.

Студенты очень любили бронзовую бегемотиху по имени Тоня и таксу, пока не получившую имени.

Чуть подалее от них сидел Маленький принц рядом с чемоданом, из которого торчала голова поэта Иосифа Бродского. А на изящной скамейке в любую погоду сидели бронзовые ангел и бес. Где-то совсем рядом проползала огромная улитка. Тоже, разумеется, бронзовая.

Студенты, давно привыкшие к скульптурам, выходили во дворик в любую погоду. Покурить, поговорить, повторить слова, выученные к диктанту. Выходили во дворик в надежде на случайную встречу с объектом своих тайных мечтаний. Или же просто хотели увидеться с преподавателем в неформальной обстановке и уговорить его в очередной раз перенести срок сдачи курсовой.

Преподаватели тоже в перерывах приходили во дворик. Покурить, поговорить, просмотреть тезисы новой лекции.

Двор филологического факультета напоминал во время перерывов турецкий базар, французский салон и миланский показ мод одновременно.

Кот вышел во двор, огляделся и решил улечься под скамейку с ангелом и бесом. Она называлась Скамья советов. Земля уже успела прогреться, а пробившиеся сквозь нее молодые травинки приятно щекотали нос.

Прямо напротив пестрая стайка первокурсниц английской кафедры хвасталась друг перед другом высотой каблучков и решала, куда пойти плясать в выходные. До Кота под скамейкой им не было никакого дела. Как, впрочем, и до учебников по исторической фонетике, которые они для приличия держали в руках.

На скамейку села Аня с итальянского отделения. Кот был знаком с ней с первого дня ее учебы на факультете. Аня каблучки не носила потому, как еще в десятом классе сильно повредила колено и с тех пор слегка хромала. Колено реагировало на плохую погоду и болело. Еще оно болело, когда Аня сильно нервничала. Кот чувствовал чужую боль, даже находясь на расстоянии нескольких метров.

Он вылез из-под скамейки и прошелся перед Аней, слегка изогнув спину.

Девушка держала в руках растрепанные листки с латинским текстом. Ксерокопия второй главы «Записок о Галльской войне» Юлия Цезаря. Между строчек поверх печатного текста Аня карандашом записывала перевод, при этом шевеля губами.

– *Caesar suas copias in proximum collem subducit, aciem instruit...*

– Цезарь свои войска на ближайший холм повел и выстроил их в боевом порядке, – с легкостью перевел Кот мудреную латинскую фразу. С «Записками о Галльской войне» он был знаком. Студенты читали и переводили эту книгу со дня основания факультета.

Латынь была настоящим наказанием студентов романской кафедры. Желающие овладеть испанским, французским или итальянским должны были целых два года читать и переводить то, что было написано более тысячи лет назад, на русский язык, запоминать слова и фразы из

языка, на котором никто уже и не говорит. Только врачи и фармацевты пишут на нем рецепты, назначения и произносят названия лекарств, вгоняя в страх пациентов.

Аня заметила Кота и на секунду оторвалась от «Записок».

– *Gattino*¹, у меня ничего не выходит, – горестно сказала Аня, одной рукой рассеянно поглаживая Кота по спине. Не переводится этот Юлий Цезарь красиво у меня.

Кот еще сильнее выгнул спину, чтобы Ане было удобнее его гладить. Начал интенсивно и громко мурчать, добиваясь успокоительного эффекта.

За годы жизни на факультете Кот научился тонко чувствовать страх и волнение студентов перед экзаменом, зачетом или сложной контрольной. Старался помочь тем, кто со страхом совладать не мог и рисковал от испуга забыть все, что учил накануне. Для каждого у Кота был свой метод. Перед кем-то достаточно было походить рядом, распушив хвост. С кем-то он активно мяукал, настраивая на конструктивный диалог с преподавателем. Лишь избранным Кот позволял себя гладить и чесать за ухом.

По вторникам и четвергам у студентов итальянского была латынь, которую вела свирепая Ванда Эдиповна.

Внешность ее была под стать имени. Стройная, худая, длинная, как Колосс Родосский, преподаватель классической латыни носила длинные развевающиеся юбки, темные пальто с широкими рукавами и тяжелые серебряные серьги. Черные с легкой проседью кудрявые волосы никогда не убирались в прическу и развевались на ветру, когда Ванда Эдиповна решительной походкой пересекала двор. В эти моменты веселая болтовня студентов затихала, аспиранты старались спрятать за спину сигарету, а профессора уважительно склоняли голову в знак приветствия.

Кот старался скрыться куда-нибудь подальше. У Ванды была аллергия на шерсть. При приближении к Коту она начинала громко чихать, глаза ее мгновенно краснели, и от этого становилось еще страшнее.

Ванда Эдиповна не слишком любила студентов испанского и итальянского отделений. Для них ее предмет был неприятной необходимостью, частью обязательной программы. На филологический факультет они поступали, по ее мнению, стремясь к красивой жизни, дипломатической службе и встречам со средиземноморскими красавцами и красавицами. Науки им были не нужны, книги они читают из-под палки, а латынь учат по принуждению.

Впрочем, если студент был хорошо готов к уроку и переводил Цезаря, Овидия и Тита Ливия без запинки, он удостоивался сдержанной похвалы суровой Ванды. Но стоило тому хоть раз ошибиться, поставив ударение не на тот слог, Ванда Эдиповна выпускала наружу весь свой богатый арсенал презрительных комментариев, обидных эпитетов и уничижительных сравнений.

– Аня, идите учить суахили или банту. Я вижу, вам все равно, над каким древним языком издеваться. Пусть это будет не латынь, – отчитывала Ванда несчастную Аню во время последнего урока.

– Мур-мур-мур, – активно тархтел Кот. Он хотел сказать, что надо потерпеть еще один год, сдать экзамен, а потом устроить ритуальный костер из ксерокопий «Записок о Галльской войне». Кот знал, что дальше ничто не будет отвлекать Аню от занятий любимым итальянским и переводов сонетов Петрарки. Еще он знал, что после четвертого курса Аня пойдет стажироваться в Академию художеств, где будет переводить мастер-классы известного скульптора из Флоренции. Его восхитит Анин безупречный итальянский и профиль, как у римских статуй времен Империи. Он предложит ей работать переводчиком в его частной школе во Флоренции, куда приезжают учиться молодые скульпторы со всего мира. В перерывах между занятиями

¹ Котик (*итал.*).

Аня будет ему позировать. Скульптор будет лепить с нее лик Андромеды и профиль Минервы. Щедрое итальянское солнце навсегда вылечит ее колено, и Аня никогда больше не будет хромать.

Коты умеют заглядывать в будущее и способны давать людям знаки-предсказания.

Перерыв закончился, и дворик заметно опустел. Студенты и преподаватели растеклись по аудиториям. Кот окинул взглядом двор. Одиноким аспирант с кафедры языкознания пил кофе из бумажного стаканчика и с тоской смотрел на часы. Сдавать очередную главу кандидатской нужно было только через два часа. Заняться аспиранту было нечем. Кот знал, что к животным он равнодушен и кошек за полноценных существ не считает. Подходить к нему не стал.

Рядом с бронзовой скульптурой бегемотихи самый главный сердцеед с четвертого курса французского отделения очаровывал очередную первокурсницу. У нее была белая коса, густая челка и умопомрачительные длинные ресницы. Достойная причина прогулять лекцию по теоретической грамматике, – подумал Кот.

Он подошел к бегемотихе и сделал все, чтобы парочка его заметила.

– Какой хорошенький котик! – всплеснула руками первокурсница, имени которой Кот пока не знал.

Зато он прекрасно знал сердцееда с четвертого курса. Звали его Борис Беккер, и славился он коллекционированием разбитых девичьих сердец. Коту приходилось утешать безутешно плачущих девушек, покинутых Борисом.

Он даже пытался сделать сердцееду внушение. Садился напротив и гипнотизировал его своими зелеными глазами.

Борис был парнем не только красивым, но и умным. Тайный язык кошек понимал и в диалог с Котом вступал:

– Что я могу поделать, mon cher chat², я выбираю. Вот встречу свою единственную и неповторимую и женюсь.

Кот хотел Борису верить, но девушек каждый раз было чрезвычайно жалко.

– Мяу! – решительно заявил Кот. Это означало – Борис, не дури девушке голову. Ведь все равно после сессии бросишь.

Борис отвлекся от красавицы с длинными ресницами, присел перед Котом на корточки и погладил его сразу обеими руками.

– Котэ, я думаю, это та самая. Моя будущая жена. Она меня в театр позвала! Ты представляешь, в театр! Не в клуб, не на дискотеку. А в Малый драматический. Думаю в воскресенье ее с мамой познакомить...

– Мяу, – Кот одобрил выбор Бориса и решил самолично держать новый роман на контроле.

После окончания занятий, семинаров и лекций Кот шел в библиотеку. Старший библиотекарь Верочка к этому времени уже насыпала в миску сухой кошачий корм и ставила рядом пластмассовую чашку со свежей водой. Кот делал пару подходов к пище, а затем начинал свой ежедневный старательный обход библиотеки. Внимательно обнюхивал корешки старинных фолиантов и проверял, не отсырели ли толстые словари и многотомные сочинения классиков всевозможных мировых литератур. Следил, чтобы не одна мышь не проникла в книгохранилище.

² Мой милый кот (франц.).

После Кот ел из миски уже более основательно и шел дремать на старинный деревянный пуопитр, стоявший в углу читального зала. Дремал он, слегка приоткрыв левый глаз. Наблюдал за читателями и слушал успокаивающий шелест страниц.

Когда же последний посетитель сдавал книгу Верочке, Кот вместе с ней закрывал библиотеку и шел на вахту к тете Тамаре. Смирненно семенил рядом с вахтершей, проверяющей, все ли аудитории закрыты, и не забыл ли кто из преподавателей сдать на вахту ключ.

Тетя Тамара устроила для Кота уютную постельку в коробке из-под ксерокса, застелив ее шерстяным одеялом. Кот спал в ней, если у него не было срочных ночных дел.

Однажды Кот стал причиной экстренного заседания заведующих всех кафедр под председательством самого декана.

Собственно говоря, основной причиной для срочного внепланового собрания был злостный студент-второгодник Давид.

Давид учиться упорно не хотел, по три раза пересдавал едва ли не каждый предмет. В конечном итоге, брал преподавателей измором, и те ставили ему зачет либо оценку «удовлетворительно». Давид решительно не хотел ничего учить и ни во что вникать. Ему лишь хотелось подольше оставаться в большом красивом городе, ездить на новенькой иностранной машине и плясать с модными девушками в дорогих клубах, поражая их размахом своей щедрой восточной души.

Такая жизнь нравилась Давиду куда больше, нежели перспектива вернуться домой и заведовать там одним из заводов по производству колбас, принадлежащих его отцу.

Давид желал как можно дольше оставаться в статусе студента.

Вот только суровая Ванда Эдиповна ни в какую не хотела ставить ему зачет и допускать к сессии.

– Ваши знания равны нулю, юноша, – строго говорила она в очередной раз возвращая Давиду зачетку, – вы даже не знаете склонения местоимений. Зачет я вам не поставлю, рекомендую подумать о смене профессии. Вы позорите факультет и звание универсанта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.